

Исследователи народной религиозности: Я. Я. Ленсу*

Т. В. Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чумакова Т. В. Исследователи народной религиозности: Я. Я. Ленсу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 636–650. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.415>

В статье рассказывается о работах Якова Ленсу, исследователя религиозных верований и культуры финно-угорских народов, проживавших на территории Ленинградской области в 1920–1930-х годах. Он одним из первых российских исследователей описал синкретические религиозные верования и обычаи ингерманландских финских субэтносов (эвремейс и савакот), а также финно-угорских народов ижора и водь. С начала 1920-х годов он активно работал в летних экспедициях Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), позже Института по изучению народов СССР (ИПИИ), которая занималась изучением культуры и быта народов СССР, а также составлением религиозно-бытовой карты СССР. Ленсу был постоянным участником секции по изучению религиозных верований народов СССР. Руководителем этой секции был Николай Маторин. Секция много лет, вплоть до ареста Маторина, работала в Музее истории религии АН СССР. Ленсу также занимался лингвистическими исследованиями, изучал ижорский и водский диалекты. Публикуются фрагменты рукописи статьи Я. Ленсу «О верованиях финнов в окрестных районах Ленинграда». В ней Ленсу описывал различных мифологических персонажей: демонов природных локусов и демонов-помощников. Среди демонов-помощников важное место занимал Рага (пара). Это трехногое демоническое создание, которое помогало хозяйкам увеличивать количество молока у коров. Молочное производство было традиционным для финских народов Ингрии. В рукописи также есть тексты заговоров от кровотечения и от укусов змей.

Ключевые слова: народная религиозность, история изучения религии в России.

В последние годы усилился интерес к изучению наследия отечественных исследователей религии. Благодаря публикации архивных данных, изучению научной периодики 20–30-х годов XX в. заново «открываются» не только такие известные ученые — организаторы науки, как Н. М. Маторин, но и исследователи, чьи имена оказались почти забыты, к их числу мы можем отнести и Якова Ленсу.

Яков Яковлевич Ленсу родился в 1884 г. под Санкт-Петербургом, в деревне Кузьмолово, в качестве года смерти везде значится 1937 г. В карточке учета научных работников в области этнографии, фольклора и антропологии указано, что по национальности он финн (эвремейс), родной язык «суоми, водский, ижорский и др.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

говоры финнов Ленингр. районов и Карелии» [1, л. 114]. Закончил лютеранскую учительскую семинарию в поселке Малые Колпаны (Гатчинский район), которая проработала полвека до 1919 г. и смогла обеспечить ингерманландских финнов, преимущественно крестьян, социальным лифтом. После окончания семинарии, с 1908 г. работал учителем в школе в поселке Варакколо. Все население поселка в то время было финским. С 1927 г. Ленсу регулярно участвовал в полевых исследованиях финно-угорских народов, которые проводились с участием Комиссии по изучению племенного состава населения СССР Академии наук СССР (КИПС), преобразованной в 1930 г. в Институт по изучению народов СССР Академии наук СССР (ИПИН). Если функции КИПС сводились главным образом к составлению этнографических карт, то основной задачей ИПИН стало изучение процессов перехода к коллективным формам хозяйства. Перед ИПИН была поставлена задача изучения религиозного быта в национальных районах и областях, а также в регионах распространения сектантства [2].

Скорее всего, он также участвовал в составлении религиозно-бытовой карты СССР, поскольку сотрудничал с КИПС, ИПИН и участвовал в работе секции по изучению религиозных верований народов СССР. Как составлением религиозно-бытовой карты, так и работой секции, которая собиралась в Музее истории религии АН СССР, руководил Н. М. Маторин. Но деятельность Ленсу не ограничивалась изучением религиозных представлений финнов Ленинградской области и сбором этнографических материалов (собранный им коллекция женских головных уборов «хунту» хранится в Российском этнографическом музее: коллекция 4762 №7), он проводил также лингвистические исследования. В 1927 г. первым из российских ученых сделал записи водских говоров [3, с. 8]. Летом 1929 г. изучал финские говоры в Куйвазовском и Парголовском районах Ленинградского округа. 24 декабря 1929 г. в Институте языка и мышления АН СССР он делал доклад по результатам своей работы [4] и подготовил статью «Материалы по говорам води» [5]. С 15 марта по 15 мая 1931 г. работал в составе Ижорской лингвистической экспедиции [6] под руководством В. С. Дубова¹. Совместно с Дубовым и Юнусом Вейно² подготовил первый букварь для ижорских школ. Преподавание ижорского языка шло до 1937 г., когда все ижорские школы были закрыты. Возможно, что также в соавторстве с В. С. Дубовым готовился и учебник по географии для школ Тверской Карелии (Дубов сам был из карел Тверской губернии), об учебнике Ленсу написал в карточке учета научных работников в 1932 г., указав, что он «издается» [1, л. 114].

Яков Ленсу активно участвовал в работе Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН), членами которого были такие известные этнографы и лингвисты, как Д. В. Бубрих и Д. К. Зеленин. В 1931 г. ЛОИКФУН был ликвидирован, издания ЛОИКФУН были изъяты из библиотек. Репрессиями, которые начались среди финского населения СССР в 30-х годах в связи с «делом СОФИН» («Союза освобождения финских народностей») — мифической

¹ Дубов Василий Степанович (1904–1938), лингвист, этнолог, финно-угровед. 28 февраля 1938 г. за «принадлежность к контрреволюционной повстанческой организации» приговорен к расстрелу, через неделю приговор был приведен в исполнение.

² Юнус Вейно Иванович (1905–1937), лингвист, финно-угровед, Ученик Н. Я. Марра и Д. В. Бубриха. Преподавал в Ленинградском университете, был доцентом ЛИФЛИ, научным сотрудником Института языка и мышления АН СССР. Вместе с Д. В. Бубрихом готовил переиздание (1933) перевода «Калевалы». Расстрелян 15 ноября 1937 г. по так называемому Списку финских шпионов № 1.

«националистической антисоветской организации финно-угров», в планы которой входили отторжение территорий, на которых проживают финно-угры (не только финны, но и коми, удмурты и проч.), присоединение их к Финляндии с целью создания «Великой Финляндии», — был нанесен серьезный удар по «финским исследованиям» в СССР. Репрессии привели также к сокращению численности финнов в Ленинградской области: множество финских семей были переселены на Север и в Сибирь [7].

В конце 20-х — начале 30-х годов финны вместе с такими финно-угорскими народами, как водь и ижора, были наиболее многочисленным национальным меньшинством Ленинградской области, в 1929 г. финнов было 127 тыс. человек. «Главная масса их сосредоточена в 13 северных и северо-западных районах Ленинградского округа (Куйвозовском, Парголовском, Ленинском, Красногвардейском, Детскосельском, Урицком, Ораниенбаумском, Мгинском, Колпинском, Волосовском, Молоковском, Котельском и Кингисеппском районах), в Александровском и Кольско-Лопарском районах Мурманского округа. Самое название “финны” включает в себя две народности: собственно финнов (суоми) и финнов ленинградских — савакот и эврейсет» [8, с. 9–10]. Исследователи отмечали, что ингерманландские финны в своем ритуальном поведении отличались от финнов Финляндии, что особенно было заметно во время лютеранской мессы: «...прихожане стояли во время мессы, часто осеяли себя крестным знаменем... языковым своеобразием (говорили на т. н. ингерманландском диалекте финского языка), предметами материальной культуры (в том числе одеждой) и пониманием своей инаковости» [9]. Число представителей таких народов, как водь и ижора, в 20-е годы было меньшим: ижор по переписи 1926 г. было 16 030 человек, а води — всего 694 человека [8, с. 10–11].

Изучение культуры и религиозных представлений финно-угорских народов в Российской империи началось в XIX в., и хотя к началу XX в. отечественное финноугроведение достигло определенных успехов, оно все еще было молодой дисциплиной, а религиозные и мифологические представления финнов Ингерманландии до 1920-х годов оставались вне поля зрения специалистов. Поэтому столь ценными были данные, собранные Яковом Ленсу в Ленинградской области в 20-е — начале 30-х годов. Частично материалы были им обнародованы в статье о говорах води [5], но полностью Ленсу их планировал опубликовать в статье, рукопись которой сейчас хранится в фонде Д. В. Бубриха в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, фрагменты которой приведены в настоящей статье.

Текст написан фиолетовыми чернилами. В рукописи имеются пометки карандашом, сделанные Михаилом Георгиевичем Худяковым, исследователем традиционной культуры народов Поволжья. Худяков в то время преподавал в ЛГУ, а также был ученым секретарем КИПС и научным сотрудником Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). Также он являлся постоянным участником семинара Н. М. Маторина и, как и многие другие участники семинара, в 1936 г. был арестован как «активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». Арестовали Худякова в сентябре, а 19 декабря 1936 г. он был расстрелян. Худяков отметил, что текст Ленсу «необходимо снабдить предисловием, которое уместнее всего написать М. Ю. Пальвадре. М. Худяков» (л. 1 об.). Марта Юрьевна Пальвадре была специалистом по культуре и религиозным воззрениям финно-угорских народов Северо-Запада, ученым секретарем

ИПИН (1932–1933), а после его реорганизации в 1933 г. возглавила отдел Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. С 1934 г. была завотделом в Этнографическом музее. Также была арестована по делу «троцкистско-зиновьевского блока» 21 августа 1936 г. и в ноябре 1937 г. расстреляна.

Статья Ленсу не была опубликована по причине отсутствия в ней научного аппарата, и ей требовалась определенная доработка, которой Худяков, чьи карандашные пометки присутствуют в тексте, возможно, решил частично избежать, предложив дать статью с предисловием М. Ю. Пальвадре. В результате этот текст оказался у одного из основателей отечественного финно-угроведения Д. В. Бубриха, который с 1925 г. возглавлял кафедру финно-угроведения в ЛГУ, а с 1934 г. — сектор в Институте языка и мышления им. Н. Марра, и после его смерти в составе личного архива члена-корреспондента АН СССР Бубриха был передан в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Ниже публикуются фрагменты статьи. Пропуски в тексте отмечены знаком <...>. Все сноски в публикации, если не указано обратное, принадлежат Я. Я. Ленсу.

Я. Я. Ленсу. О верованиях финнов в окрестных районах Ленинграда

От Ораниенбаума до Котлов и реки Луги расположились деревни самых старых жителей этих мест, води и ижор. Уцелевшие от усиленной и продолжительной русификации остатки води встречаются в деревнях, расположенных в окрестностях Котлов и по нижнему течению реки Луги, в Кингисеппском районе. По берегу Финского залива до Ораниенбаума узкой полосой, начиная от устья Луги, тянутся деревни ижор. Водь и ижоры по религии православные. Православие принесли к ним миссионеры Великого Новгорода. Они жестоко преследовали язычество, но в корне его не уничтожали, а все, что в язычестве казалось выгодным для православия, оставляли и старались приспособить к своей вере. Это обстоятельство способствовало тому, что население официально исповедовало православие, а в семейной жизни придерживалось своих старых обычаев и обрядов, благодаря чему православные финны больше сохранили остатков язычества, чем финны, бывшие лютеранами... пережитки... мы находим в разговорной речи, топонимике, в обрядовых песнях, наговорах и проч. Наговоры встречаются еще почти повсеместно, и старая песня еще не везде забыта. Столетие тому назад здесь повсюду можно было встретить калевальскую песню, поэтому не удивительно, что и божества, упоминаемые в Калевале, еще не окончательно изгладились из народной памяти...

Кроме калевальских богов существовали еще и другие божества. В народной памяти сохранились только их названия. В Куйвазовском районе старики иногда применяют в качестве ругательного слова *kurko* — черт. В Токсово часть Кавголовского озера носит название *Kurkolanjärvi* — Курголовское озеро. Интересно, что деревня у этого озера известна под названием Хиттолово (от *hüsi* — черт). В данном случае деревня и озеро должны бы иметь которое-нибудь общее название *Hittola* или *Kurkula*, но надо полагать, что в составе населения произошли какие-то перемены и вследствие этого деревня получила название, по значимости общее с озером, но выраженное другим словом. В Кингисеппском районе находится деревня с названием Курголово <...> Гораздо лучше в памяти народа сохранилось

божество Пара (Пара), оно здесь известно во всех районах. Пара носило молоко от чужих коров к коровам того хозяйства, к которому было особенно расположено. Поэтому каждая хозяйка стремилась к тому, чтобы иметь свое собственное Пара. Хозяйки заказывали Пара у знахаря, и последний изготавливал его из тряпок, а в качестве ножек втыкал в тряпчатое туловище три лучины или три веретена. Когда Пара было готово, то знахарь прятал его на несколько суток в кирке (в лютер. церкви), а чтобы Пара получило жизнь, то для этого его носили три раза вокруг кирки и приговаривали:

Родись, родись мое Пара,
Чтобы носить масло и молоко!

В Куйвазовском районе рассказывают, что некоторые хозяйки держали где-нибудь в укромном месте ужа, который у них был в своем роде Пара. После каждого удоя хозяйка отливала немного парного молока змее. Здесь верили, что если кто-нибудь посторонний увидит Пара или убьет его, то это повлечет за собой разорение хозяйства и даже смерть самой хозяйки.

Проф. Сетяля... о финляндских пара говорит следующее: «Пара по словарю Юслениуса (1745) — божество, которое способствует обилию молока, по-шведски *biära*». Подробнее о нем говорит Ленквист в своей диссертации (1782 г.). Там говорится, что знахарки делают Пара и готовят его следующим образом.

Берут детскую рубашку, набивают ее разноцветными лоскутами, в середине которых прячут облатку причастия, что будто бы и придает душу Паре. Потом из косянки, набитой травой, делается живот, к которому прикрепляются три веретена в качестве ножек. После этого в один из праздников, рано утром Пара приносят в церковь, где оно простоит некоторое время, а после его обносят 9 раз вокруг церкви, все время повторяя: *synnu, synnu para!* — рождайся, рождайся Пара! Через некоторое время Пара становится живым и побежит на трех ножках, и тогда ему говорят:

<...>
Носи масло, носи молоко!
Носи масло, жена горы!
Молоко, хозяйка (жена) черта!
Пусть парное из-под запоров,
Молоко от власти скисания³.

Обладатель Пара, значит, будет обеспечен молоком и маслом. Верят, что гриб *Mucor unctuosus flavus*⁴ является испражнениями Пара, и если кто хлыстом расщепит его или начнет его жарить на огне, поворачивая то одной, то другой стороной, то этим вызовет самого знахаря, который будет просить освободить порожденный им дух Пара.

Гоннадер в труде «*Mytologia*» (1789) подтверждает сведения Ленквиста и добавляет, что «Пара высасывает молоко из чужих коров, и процедив его через свой живот, приносит в подойник своей хозяйки». В другом месте он говорит: «Столетие тому назад, когда люди были темны и слабоверны, они видели танцующие приви-

³ Пусть парное из-под запоров — образное слово, означающее запертое сосками молоко в вымени коровы. Освободить молоко от власти скисания. Здесь процесс окисления представляется результатом действия особого духа. Такой же дух представляется и в процессе брожения...

⁴ *Mucor unctuosus var. flavus* — белая плесень. — Т. Ч.

дения, видели и это творение (Пара). Оно было мохнатое, белое с черными крапинками, скорее круглое, чем продолговатое (несомненно соседская кошка), на тонких ножках, как у журавля, и их было три. В общем оно походило на стрекозу. Когда Пара случилось прищемить между дверями и оно сдохло, то его хозяйка также заворала и вскоре умерла после этого» <...>

В Токсово хозяйки приходили ночью на перекресток шоссе, ведущего из Ленинграда в Токсово, и дороги, ведущей из Токсово в дер. Сярги. На перекрестке они становились верхом на маслобойку *kirnu*, лицом к Комендантской горе и говорили:

Перевод

Дай масла, горы хозяйка,
Грохни (масла), жена холма!

Потом, указывая стержнем маслобойки по направлению одной из дорог, говорили:

Sielt voita. Оттуда масло.

Указывая по направлению другой дороги:

Отсюда масло,

и указывая по третьему направлению:

В особенности из своей деревни.

По сообщению М.Ю.Пальвадре, у эстов было божество *Pisu-unta* («долговхост»), которое носило своему владельцу зерно и пр. предметы сельскохозяйственного производства. Это божество было опасно оставлять без работы, и как только хозяин замечал, что работы у него иссякают, то он его должен был куда-нибудь сбыть, чтобы избавиться от беды.

Кроме этих божеств в языке финнов встречается еще название *riku* — черт и *perkele* — дьявол, занявшие права гражданства в финской духовной литературе, а следовательно, прочно державшиеся и в народной лексике. В «Калевале» этих названий мы не находим... Окончание *-le* в слове *perkele* в финском языке прибавляют обычно тогда, как корню хотят придать оскорбительное или ругательное значение. Общих со славянами богов с положительным значением у финнов мы не встречаем <...>

Ко времени возникновения рун «Калевала» все божества, упоминаемые в этих рунах, являются уже отжившими. Только благодаря рунам народ и сохранил о них память. В «Калевале» при всех трудных обстоятельствах за помощью обращаются не к божествам, а к наговорам. В эпоху наговоров существовало всебожие, тогда каждый предмет был наделен особым духом и все эти духи подчинялись духу земли, хозяину земли и хозяйке земли, от которых и зависело благополучие человека. Дух земли обитал в горе или камне. Дерево являлось как бы посредником между землей и человеком, соединение хмеля, ячменя и воды представлялось присутствием божьего духа в воде, а состояние опьянения понималось как сошествие божьего духа на человека.

При болезнях или увечьях пелись или читались руно-наговоры, в которых нужно было доказать духу предмета, нанесшего вред человеку, его ничтожное происхождение, осрамить и унижить его. Таким образом, от рунопевца требовалось не только умение составления рун, но еще и очень обширные знания в области проис-

хождения предметов. Такими вещунами могли быть только «герои бородатые», т. е. старики, может быть, начальники рода.

В «Калевала», например, передается в 9 главе стих 29–258 наговор от течения крови при ранении топором. В Куйвазовском районе (дер. Кузьмолове) почти дословно записан тот же наговор в 1929 г. Сказительница уверяла, что очень помогает, но за последние годы у ней по старости память сильно ослабела и многие места из наговора она забыла, а передала она следующее:

Гнев божий,
О ты, жалкая ржавчина,
жалкая ржавчина, несчастное железо
Прежде слякотью валялось
И молоком лежало,
Как из болота тебя месили
Ничтожным ты тогда было!
...
Уймись, кровь, от течения,
Перестань, красная, падать,
Корова яловая доиться!
О Укко, бог вышний,
Приди сюда на нужду,
Подай свою опекающую руку,
Прижми рану большим пальцем,
Заткни злое отверстие,
Натяни поверх листок любви,
Закрой лилией золотой⁵.

Наговор от укуса змеи встречается во всех районах. Различие в вариантах отдельных мест заключается только в языке, а в отношении содержания он у всех одинаков. Здесь приведу ижорский вариант этого наговора:

<...>
Червяк черный, подземный,
Пестрый житель под прошлогодней травой,
Слизень цвета Туони⁶,
Под кочками проходимец.
Думал ты, что кусил дерево,
Что ужалил корень ивы,
Кусал ты кожу человека.
Исправь свое злодеяние,
Лучше себе будет,
Легче твоей душе!

Здесь, как и в наговоре от железа, указывается змее, что она не более как жалкий червяк и слизень, и тут же приводится угроза за посягательство на человека, но только из наговора не явствует, от кого могло быть наказание.

Приведу наговор от нарывов (чирья), который явно относится к культуре земли, о котором будет сказано ниже. В этом наговоре болезнь через дерево изгоняется в землю. Во время чтения наговора знахарь отструганным деревом нажимает на чирый так, чтобы кружок сучка приходился как раз над чирием, и произносятся слова на-

⁵ Это единственный наговор, в котором обращаются с молитвой к Икко. Во всех остальных наговорах ни к Икко, ни к каким-либо другим божествам «Калевалы» не обращаются.

⁶ Туони — бог загробного мира.

говора: «вскручу...» и «поворчу...» и т. д., поворачивает дерево кругом, так что место сучка над придавленным нарывом приходится как бы осью вращающегося рычага.

Перевод:

Речь от чирья
Опустись, чирий, не вздувайся,
Исчезни скверный, не расти;
Что б при луне о тебе не знали
И при солнце не видели,
Что б не очнулся ты во веки,
О проклятый чирий,
Что появился в одиночку, по двое,
А не вырос по два, по три,
По пять, по шесть рядышком,
По семь, по восемь друг на дружке.
Снизись чирий, не вздувайся!
Я вскручу, а ты сжимайся,
Поворочу — ты ужимайся
В дерево шишки, в землю бугры,
Прочь из тела человека!
<...>

С появлением христианства в наговорах начинает все сильнее выступать магический элемент. Христианство объявляет войну старой вере и рунам, песня постепенно приходит в упадок. К первым временам появления христианства относится, между прочим, наговор от вывиха.

В случае вывиха знахари делают «нить от вывиха» (luku-lanka mukkoos-lanka). Для этого берут нить, пряденную из немытой овечьей шерсти. Знахарь складывает руки за спину и в таком положении рук складывает нить в пасму из шести нитей и на них завязывает 9 узлов. В продолжение всей этой операции он читает наговор от вывиха. Делать это ему полагалось натошак. Вывихнутое место обвязывалось этой нитью, и больной должен был носить его до тех пор, пока не пройдут боли. Приведу вариант этого наговора (от эврейсет) и другой вариант из Котлов (водский).

Куйвазовский вариант:

Иисус в церковь едет
На пегой лошади
Масти черной рыбы-лохи.
Куропатка вспорхнула, земля дрогнула,
Лошадь Иисуса испугалась,
Исус сошел с лошади
И уселся он на камне,
Нити сипис связал,
Мясо с мясом сплотил,
Мясо с мясом сплотил, кости к костям пристроил;
Большие кости — концы с концами,
Малые вдоль, одну к другой,
Вену с веной соединил,
Суставы по местам устроил;
Все устроил так, как нужно,
Волчьи кости сделал шаткими,
Суставы медведя податливыми.

Водский вариант:

Иисус в церковь едет
На лошади пегой,
Цвета щуки-рыбы,
Масти черного лосося,
Проехал дороги немного,
Проделал пути с версту —
Дерево скрипнуло,
Земля хрустнула,
Иисуса лошадь оступилась
Попала нога под корень,
Вывихнулась нога лошади,
Иисус сошел с телеги на землю,
Искал в пути вещуна,
Не нашел он вещуна,
В крае (том) могучего,
Нити читанной чтецом.
Стал он сам вещуном,
В крае (этом) стал могучим,
Нити читанной певцом
Приложил мускулы к костям.
Шмель, пчела, свари меду скорее,
Смажь снутри, смажь снаружи,
Так прекрати боли.

Вот и ижоры сохранили старинные верования и песни до наших дней, и поэтому водский вариант значительно полнее эврейсинского варианта. По этой же причине в водском варианте Иисус в церковь ехал в телеге, а не верхом, как в Куйвазовском варианте. В Куйвазовском районе в церковь на телегах стали приезжать только в половине XIX ст., да и то, по воспоминаниям старых людей, очень немногие богачи, так что во время службы перед церковью среди двухсот иногда и больше лошадей, оседланных неуклюжими деревянными седлами, стояло три или четыре запряженных телеги.

В этом наговоре уже не доискиваются происхождения виновника болезни и не стремятся к тому, чтобы напугать болезнь, а ожидают какого-то чудесного исцеления от чтения наговора и от действия нити. Современные знахари уже не умеют облекать свои наговоры в рифмованную форму, но смысл их наговоров все тот же дохристианский. Привожу наговор от «колоти в сердце», где знахарь пытается напугать болезнь тем, что он, знахарь, все же сильнее болезни.

Наговор от колоти, записанный в Куйвазовском районе.

Ты укол — один укол,
Я укол — двое укололи,
Ты укол — трое укололи,
Я укол — четверо укололи,
Ты укол — пятеро укололи,
....
Я укол — девятеро укололи.

Таким образом девятое число, число священное, остается за знахарем, значит, он побеждает болезнь.

Прежде чем читать этот наговор, знахарь набирает полные легкие воздуха и в продолжении одного выдыхания должен прочесть весь этот наговор. Если ему это не удастся, то он прерывает чтение, вновь набирает воздух и читает сначала.

Выше уже упоминалось, что в божеских семьях западных финнов хозяйка — emäntä (или emä — мать) была самым активным членом. Теперь, когда калевальские боги отошли уже окончательно и их место заняли духи предметов, то земля как мать всего существующего оказалась главным предметом почитания, а деревья, камни и пр. являются как бы посредниками между человеком и землей.

Ведь до наших дней еще не забыли хозяина и хозяйку земли. В деревне Коровитине Котельского сельсовета Кингисеппского района с давних пор стояла куча камней, в середине которой рос куст орешника. Больные приходили к этой куче, становились на колени, бросали в камни медные монеты или гвоздь без шляпки и говорили: «...Хозяева земли, хозяйки земли, вам чистая жертва (виря), мне чистое здоровье».

В деревнях по нижней Луге, когда болезнь случится «от земли», т. е. человек ушиб себе ногу на неровном месте или простудился, пролежав на сырой земле, то на этом месте оставляют шелковую ленту или медную монету и говорят: «Старик — земля, старуха — земля, земля — царь золотой, тебе дары, ты дай мир и здоровье».

У ижор. Когда жених приводит к себе невесту, то в свадебной песне встречающих просят невесту сойти с телеги, поклониться до земли и дать жертву духу земли. В ижорских и водских вариантах этой песни говорится:

Невестушка, ягодка,
Брось подарок улице,
Малую жертву воротам в изгороди.

Невеста бросает ленту, тряпочку и т. д. духу земли, а в это время поют:

Здорово, земля и твой дух,
Более здорова моя невестушка.
Здорово, ворота жертвованные,
<...>

Из деревьев особым почетом пользовались рябина, береза и некоторые др. В деревне Бабине в Котельском сельсовете посреди улицы теперь еще можно видеть старую березу или, вернее, толстый ствол березы. Верхушка ее от времени сгнила и отвалилась. В дупла этой березы люди бросали медные деньги. В чаянии исцеления от болезней больные резали тут петуха. Кровь проливалась под деревом, а петуха дома жарили и съедали.

Большим почетом пользуются дерево и камень около церкви в селе Ильешах. Они обнесены деревянной решеткой. Ежегодно в Ильинскую пятницу (Ильин день 20-го июля) сюда стекается народ за десятки верст. За изгородь каждый бросает свои приношения: полотно, обработанный лен и пр. Дерево и камень связаны здесь с легендой о Параскеве Пятнице, которую преследовал пастух и она нашла убежище на этом камне. На камне будто бы отпечатались следы рук и ног Параскевы Пятницы. Такие камни в окрестных районах Ленинграда особенной редкости не представляют, их знают по две или три штуки в почти каждом районе. На них встречаются различные изображения, но чаще всего изображения рук или ног <...>

В ижорской свадебной песне говорится, что баня для жениха (или невесты) стоплена дровами, которые отец рано утром, до восхода солнца и заката луны, привез Рухämäelta — со святой горы (священной рощи). Париться нужно было веником, в котором было, по некоторым вариантам свадебных песен, 3, по другим — 5 или даже 9 сортов прутьев разных деревьев. При этом поясняется, что листья ольхи — для любви, осины — для решительности, березы — чтобы быть высоким и т. д.

Когда жених или невеста выходят из бани (каждый из них посещает баню у себя дома), то им подают особую одежду, которая снимается с веток дерева, на котором она была развешена перед отправлением жениха или невесты в баню. Чтобы предохранить молодых от всякого рода несчастий и благополучно вынести из бани счастье, к косякам банных дверей прикрепляли ветки рябины.

Когда жених во время свадьбы выезжал за невестой, то его и провожатых обводили три раза вокруг стола и гости при этом пели главному шаферу:

Бросайте красный клубок,
Бросайте синий клубок,
Бросайте желтый клубок!
Длинная хвостина рябины
Пусть просвистит над вами,
Чтобы бессильны были стрелы колдуна
Вещуна шишки огненные.

При выходе из избы жених и шаферы держат в руках по рябиновому хлысту (иногда кнуты), которыми размахивают вокруг себя, чтобы разогнать злых духов.

Весной, когда в первый раз скот выгоняют на пастбище, то над воротами, через которые проходит скот, прикреплялась рябина.

Священным лесом для населения дер. Бабино, по воспоминаниям стариков, некогда считался участок леса, известный здесь под названием Талви-те (Talvi-tee) — зимняя дорога. Он расположен около того места, где река Святая⁷ впадает в Бабинское озеро. Бабино в старину выращивало общественного быка, которого потом приносили в жертву в лесу Талви-те. Позднее жертвовали уже не быка, а свиню. Теперь уже десятки лет тому назад обычай приносить жертвы в лесу Талви-те оставлен <...>

Многие водские деревни еще и в наши дни имеют свои особо чтимые места. В деревне Бабине таким местом является так называемая Шведская могила. Это одно из самых красивых мест на берегу Бабинского озера. Здесь находится какая-то старая могила. Бабинцы говорят, что это братская могила павших в бою шведских солдат <...> Над могилой стоял небольшой четырехугольный сруб из 4 или 5 венцов. Крестьяне называют такой сруб ванной <...> Хорошо сохранилась ванна в деревне Пиллове. Здесь существует когда-то давно брошенное кладбище <...> Высота всего сооружения от конька до земли около 2 метров.

На местах, связанных с языческими верованиями, православное духовенство старалось строить христианские часовни, совершать службы, крестные ходы. На Шведских могилах нет часовни. Здесь сложена из кирпичей колонна в рост человека, а в верхнем конце колонны ранее была вделана икона Ильи. В Ильин день здесь совершалась церковная служба и крестный ход. Но так как большинство часовен

⁷ Вода этой реки содержит много железа, и поэтому вода в ней не замерзает даже в довольно сильные морозы. Народ назвал ее святой. Старики еще и теперь питают к ней особое уважение.

и церквей у воды посвящены Илье, то духовенство в Ильин день не поспевало повсюду и второстепенные часовни пришлось переименовывать. Бабинский столб по этой причине посвятили Серафиму Саровскому, изображением которого была заменена икона Ильи.

На Пилловском кладбище, рядом с ванной, построена часовня в честь Анастасии. Эта святая считается покровительницей овец. Ежегодно 29 октября в часовне происходит большая служба, и каждый прихожанин приносит сюда телячьи ножки, которые кладутся на стол, который стоит на крыльце часовни. После богослужения ножки раздаются нищим. Крестьяне говорят, что это способствует успеху в разведении овец.

В деревне Корвитине⁸ особым уважением пользуется место у источника Купуля-Кайво.

Обычай, напоминающий пивоварение в лесу, описанный в 1715 г., существовал у воды до 1916 г. под названием «братчины». Для братчин деревня приобретала в складчину солод и выбирала из своей среды одного человека варить пиво. Хозяйки в каждом доме готовили кушанья для этого случая. Деревня ко дню братчины на своем особо чтимом месте устраивала из досок длинные столы и скамейки <...> Братчины не имеют определенного дня, они проводятся в различных деревнях в разное время, деревня Корвитино проводила братчины в Иванов день, Бабино в Ильин день и т. д.

В деревне Корвитине передают, что у них, когда в семье что-нибудь не благополучно (болезни, семейные нелады и пр.), к братчинам жарят теленка. Жаркое приносят на братчинный стол (к Купуля-кайво), тут же кладут и голову теленка. Когда телятина съедена вся, то принесящий это кушанье берет телячью голову и кидает в кусты, которые растут у источника. Старуха Мойсеева, которая рассказывала об этом, пояснила, что голова бросалась богам <...>

Немалое значение в языческих верованиях придавалось и воде. Водь особенно чтит источники. Корвитинский источник (Kupula Kaivo) имеет только местное значение. Им не интересовалось и духовенство. Источники между деревней Пиллово и поселком Ново-Георгиевск⁹ славятся далеко за пределами этих близлежащих деревень. Местное духовенство уже давно заинтересовалось ими. Судя по местным преданиям, у духовенства существовали широкие планы использования этих источников. Крестьяне в Пиллове рассказывают, что в старину народ скрывал от начальствующих лиц чудодейственную силу источников, но один из мужиков выдал тайну и был засечен за это местным помещиком. Последний боялся, что у него отберут место источников и построят на нем монастырь и в таком случае он потеряет и землю, и доходы от источников. Предание вполне правдоподобное, но никакого монастыря здесь все же нет, а стоят две часовни, каменная и деревянная, но исцеляющий источник все-таки оказался не под часовней, к чему стремились строители, а между этими двумя часовнями. По краям источника сделаны дощатые стены <...> Сюда приходят люди с самыми разнообразными болезнями, купаются в источнике и в благодарность за будущее исцеление оставляют полотняную рубашку, вышитое полотенце и пр.

⁸ Совр. Корветино Кингисеппского района Ленинградской области. — Т. Ч.

⁹ С 1930 г. поселок носит название Георгиевск. Как и деревня Пиллово, находится в Кингисеппском районе Ленинградской области. — Т. Ч.

По верованиям ижор и води человек мог приобретать от воды разные качества, смотря по тому, какой водой он моется, морской, озерной, речной и т. д. Для того чтобы избавиться от болезней, сделать бессильными злые козни колдунов или приобрести успех при важных предприятиях, считалось обязательным посещение бани <...>

У води домовой называется *iihirappi* — поп избы, но домовой не живет в жилых помещениях, потому что здесь висят иконы, а находится обычно на дворе, в конюшне или в хлеву... По представлениям води в риге обитает *rügarappi* — поп риги, а в бане *saunarappi* — поп бани <...> своего особого духа имеют только те помещения, в которых разводится огонь, как, например, рига и баня.

Водский леший называется *metsäherra* — господин леса. По внешности он напоминает помещичьего егеря <...> Когда он проходит через низенький лес, то рост его не превышает деревьев, а в высоком лесу становится ростом наравне с самыми высокими деревьями. Есть еще и другой леший *metsähinen* (лесовик). Последний представляет собой низенького, худенького и бородатого мужичка, одетого в лохмотья. Он постоянно шатается по лесу. Встреча с лешим *metsäxerra* совершенно безопасна, в то время как *metsähinen* заводит и запутывает людей в лесу <...>

Водяная у води носит название *vee ema* — мать воды. Это седая старуха с длинными растрепанными волосами, у ней очень длинные руки с такими же длинными, как хворостины, пальцами, на концах которых тянутся очень длинные ногти. Она постоянно охотится на людей, но для женщин опасности не представляет, так как ее интересуют только мужчины. В ночное время ходить одному на рыбную ловлю или ездить на лодке не советуется, так как Вээ-Эма длинными пальцами может легко схватить человека или опрокинуть лодку.

Антирелигиозники на местах не всегда дооценивают влияние дохристианских верований на настроения народных масс. Мало того, эти верования принято считать уже давно изжитыми и о них вспоминают как о каком-то далеком прошлом. Между тем дохристианские верования держатся подчас прочнее христианства. Нередко встречаются у нас деревни, где, за исключением нескольких древних старушек, никто уже не верит в существование бога и не придерживается никаких церковных обрядов. Но стоит стрястись какой-либо беде, допустим, пропала корова, и вместо того чтобы публиковать [объявления] о пропаже, искать ее, эти атеисты тратят по нескольку дней в поисках за хорошей гадалкой-ворожеей, а первым средством у гадалок и знахарей являются наговоры. Таким образом даже люди, считающие себя совершенно свободными от религии, оказываются нередко в рядах поклонников разных «хозяев» и «хозяек».

Литература

1. ИПИН. Карточки учета научных работников в области этнографии, фольклора и антропологии от У до Л // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 310.
2. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
3. Конькова О. И., Двячков Н. А. Учебное пособие по водскому языку. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 84 с.
4. Ленсу Я. О говорах финнов Ленинградского округа на Карельском перешейке. Доклад, заслушанный в КИПСе, рукопись и отзыв на него. Доклад, заслушанный в КИПСе 24 декабря 1929 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 77. Оп. 3. Д. 38. Л. 2–17.

5. Ленсу Я. Я. Материалы по говорам води // Западно-финский сборник / АН СССР; Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 201–305.

6. Дубов В. Лингвистическая работа среди ижор // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 164–165.

7. Gelb M. 'The Western Finnic Minorities and the Origins of Stalinist Nationalities Deportations,' Nationalities Papers // The Journal of Nationalism and Ethnicity. 1996. Vol. 24, N 2. P. 237–268.

8. Национальные меньшинства Ленинградской области: (сборник материалов) / сост. П. М. Янсон. Л.: Орготдел Ленинградского Облсполкома, 1929. 103 с.

9. Kaz'mina O., Shlygina N. The Evangelical-Lutheran Church of Ingria and Its Role in the Life of Finnish Ingermanlanders // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2001. Vol. 40, N 3. P. 56–74.

Статья поступила в редакцию 17 января 2018 г.;
рекомендована в печать 26 июня 2018 г.

Контактная информация:

Чумакова Татьяна Витаутасовна — д-р филос. наук, проф.; t.chumakova@spbu.ru

Researchers of popular religiosity: J. J. Lensu*

T. V. Chumakova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chumakova T. V. Researchers of popular religiosity: J. J. Lensu. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 4, pp. 636–650. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.415> (In Russian)

This article describes works of Yakov Lensu — a researcher of religious beliefs and culture of the Finno-Ugric peoples which lived on the territory of the Leningrad Region in 1920s to 1930s. He was one of the first Russian researchers, who described the syncretic religious beliefs and customs of the Ingrians Finnish ethnic subdivisions (Yevremeyans and Savakotes), as well as the Finno-Ugric peoples of Izhora and Vod. From the beginning of the 1920s Y. Lensu was actively working at the summer expeditions of the Commission for the Study of the Tribal Composition of the Population of the Borderlands of Russia (KIPS). Later he was working at the Institute for Studies of the Peoples of the USSR (IPIN), in which culture and the life of the USSR peoples were studying. The religious life map of USSR was also compiling there. Yakov Lensu was regularly participating the section of the study of religious beliefs of the peoples of the USSR, led by Nikolai Matorin. The section was functioning in the Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR for many years until N. Matorin was arrested. Y. Lensu was also engaged in different linguistic research. He was studying Izhora and Vod peoples' dialects. In the appendix of this article the part of the manuscript of Y. Lensu's research work "About Finnish people beliefs at the Leningrad's environ" is published. Lensu described various mythological characters like a demons of natural loci and demons-assistants in this text. Among the demons-assistants an important place was occupied by *Para*: three-legged demonic creature, which helped housewives to increase milk quantity of cows. It was important because milk production was traditional for the Finnish people of Ingri. Texts of conspiracies from bleeding and from snake bites are also included in the manuscript.

Keywords: history of Religion in Russia, popular religiosity, the history of the study of religion in Russia.

---

* The research has been performed within the grant of Russian Science Foundation № 16-18-10083 "The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History of Religious Studies and Intellectual History of Russia in 19th — first half of 20th century".

References

1. “IPIN. Kartochki ucheta nauchnykh rabotnikov v oblasti etnografii, fol’klora i antropologii ot U do L” [Cards of the account of scientific employees in the field of ethnography, folklore and anthropology from U to L], *Saint Petersburg Branch of the RAS Archive*, Fund 135, List 1. File 310.
2. Shakhnovich, M., and Chumakova, T. (2016), *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epokhu kul’turnoi revoliutsii v SSSR* [Ideology and science: The study of religion in the period of cultural revolution in the USSR], Nauka, St. Petersburg, Russia.
3. Kon’kova, O. I., D’yachkov, N. A. (2014), *Uchebnoe posobie po vodskomu iazyku* [Textbook on the Vod’ language], MAE RAN, St. Petersburg, Russia.
4. Lensu, Y. (1929), “O govorakh finnov Leningradskogo okruga na Karelskom peresheike. Doklad, zaslushannyi v KIPSe, rukopis’ i otzyv na nego. Doklad, zaslushannyi v KIPSe 24 dekabria 1929 g.” [About the dialects of the Finns of the Leningrad district on the Karelian Isthmus. Report, heard in KIPS, a manuscript and a response to it. Report, heard at the KIPS on December 24, 1929], *Saint Petersburg Branch of the RAS Archive*, Fund 77, List 3, File 38, pp. 2–17.
5. Lensu, Y. Y. (1930), “Materials on the dialects of Vod’”, *Zapadno-finskii sbornik* [The West-Finnish collection], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningrad, USSR, pp. 201–305.
6. Dubov, V. (1931), “Linguistic work among the Izor”, *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography], no. 1–2, pp. 164–165.
7. Gelb, M. (1996), “The Western Finnic Minorities and the Origins of Stalinist Nationalities Deportations”, *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. 24, no. 2, pp. 237–268.
8. Yanson, P. M. (ed.) (1929), *Natsional’nye menshinstva Leningradskoi oblasti* [National minorities of the Leningrad Region], Orgotdel Leningradskogo Oblispolkoma, Leningrad, USSR.
9. Kaz’mina O., Shlygina N. The Evangelical-Lutheran Church of Ingria and Its Role in the Life of Finnish Ingermanlanders. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2001, vol. 40, no. 3, pp. 56–74.

Received: January 17, 2018

Accepted: June 26, 2018

Author’s information:

Tatiana V. Chumakova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; t.chumakova@spbu.ru